

государством на Восточном фронте, находившимся в состоянии войны с Центральными державами.

Библиографический список

1. Argetoianu, Constantin. Memorii. Pentru cei de mâine. Amintiri din vremea celor de ieri. Vol. III—V. — Editie revăzută și îngrijită de Eugen Neagoe, Editura Machiavelli, București, 2008. — 398 p.
2. Averescu, Alexandru. Notițe zilnice din război. Vol. II. — Editie îngrijită de Eftimie Ardeleanu și Adrian Pinte, Editura Militară, București, 1992. — 350 p.
3. Kirițescu, Constantin. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. II. — Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1989. — 668 p.
4. Maria. Regina României. Jurnal de război. Vol. II. — Editie îngrijită de Lucian Boia, București, 2015. — 496 p.

Кухаренко Варвара Николаевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ЛИДЕР ХОРВАТСКОЙ НАРОДНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ СТЕПАН РАДИЧ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Лидер Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП) Степан Радич во все периоды своей деятельности отличался переменчивостью политических взглядов. Годы Первой мировой войны, а особенно заключительный ее период, стали ключевым периодом для формирования дальнейшей парадигмы развития партии. Именно в 1917—1918 гг. был заложен идеологический фундамент сильнейшей хорватской политической организации межвоенного периода. И как раз с Февральской революции (которую Радич, как и все его коллеги в Австро-Венгрии, называет по новому стилю, Мартовской) мы можем отслеживать эти программные изменения в публичных выступлениях и статьях политика.

Начало Февральской революции совпало с последними днями заседаний хорватского Сабора весной 1917 г. Лидер ХНКП регулярно информировал читателей в печатном органе партии газете «Дом» о событиях в России и комментировал их. Он сразу же приветствовал революцию, что было обусловлено с его стороны еще и надеждой на приход к власти в России либеральных политиков, с которыми он еще в 1909 г. наладил контакты. Особенные надежды он связывал с князем Г. Львовым и П. Н. Милюковым, который когда-то заявлял о праве хорватов на Боснию [8, s. 34]. Радич также идеализировал русских рабочих, считая их, как и русских крестьян, пацифистами, и надеялся на создание рабоче-крестьянской республики, где все будет развиваться под контролем крестьян и рабочих и в их интересах. Кроме того, Милюков, в качестве министра иностранных дел в новом составе правительства князя Львова, заявил о поддержке югославянского объединения, вопреки прежней позиции российских кабинетов. Еще более радовало, что новые люди в российских правящих кругах не имели никаких связей с Сербией, а потому в планируемом объединении южных славян не стали бы вмешиваться лишь в ее интересах. Радич надеялся и на заключение русскими сепаратного мира с Австро-Венгрией, хотя отмечал, что в России нет единого мнения о продолжении войны:

Милоков за войну, рабочие и солдатские депутаты, т. е. социалисты, за мир без контрибуций и за право народов на самоопределение, а В. И. Ленин так же за мир без условий, но он еще и за социальную революцию. Причем, первые и другие за союз с Антантой, а Ленин против этого [2, s. 193—194, 199].

4 августа 1917 г. в Саборе Радич дает весьма романтическую оценку Февральской революции: «...каким бы ни был политический сценарий в России, ...[он] не меняет сейчас ничего, потому что освободился самый великий европейский народ, ...идеальнейший народ, который рассматривает политику как религию, который содержит свою Думу как храм». Далее он заявил, что после русской революции теперь есть два великих центра славянской культуры: Россия и Чехия. Причем, Россия теперь не панславистское государство, а славянское [7, s. 160, 165—166].

Летом 1917 г. Радич начал борьбу за всеобщее избирательное право, постоянно апеллируя к событиям в России. Председатель ХНКП прекрасно понимал, что для его партии введение всеобщего избирательного права откроет совершенно новый этап в развитии, абсолютно новые политические возможности, благодаря увеличению представительства в парламенте. 5 июня на своем выступлении в Саборе Радич колоритно презентует свой запрос по данной проблеме, говоря, что он вызван тремя внешними факторами: «солнцем русской революции, лунным светом австрийской демократии и затмением венгерского кризиса». Заметим, что к австрийской и венгерской причинам он тоже относится как к внешним, а не внутригосударственным факторам. По мнению Радича, под солнцем русской революции видна вся бессмысленность войны, виден абсурд всего, что писали немецкие философы, и очевидна истинность того, что говорили русские мыслители, что главное устройство человека во всех сферах: семье, нации, общине, государстве. Если государство не обеспечивает безопасность и благополучие человека, то «к черту такое государство», вместе с его границами, а если нужно, и царем, как это в России и осуществили. Отмечает Радич и то, что демократия теперь невозможна без национализма, снова приводя пример русских, которые всем народам империи декларировали право самоопределения [7, s. 143—144].

С. Радич в своих выступлениях на заседаниях Сабора постоянно рискует, пряча за бесконечными аллюзиями на российские события намеки на печальное будущее Австро-Венгрии. Прямо сообщает о том, что страшная война уже сделала из одного государства (России) место катастрофы. Он говорит, что дошло до полного банкротства государства, как его видели немецкие и австрийские философы, что рядом со свободной Россией может существовать лишь свободная Австрия, свободная во всех своих частях. Не вызывает сомнений, что на грядущем мирном конгрессе государство будет преобразовано. Радич говорит, что не спрашивает, в каких оно будет границах, т. к. сейчас этого никто не знает, но то, что война в политическом аспекте завершена, должно быть ясно каждому, у кого есть глаза. Политик, правда, шутя отмечает, что затмение из Пешта распространяется, похоже, и на Загреб, особенно на площади Марка (Markov trg — место, где сконцентрированы все административные органы Хорватии) [3, s. 144—145, 157].

Прославляя реформы в Российской империи, Радич отмечает, что там решили тяжелейшую проблему, организовав свободных людей, регулируя их деятельность, чтобы не допустить анархии, чтобы человек, получивший

права, осознавал и свои обязанности. Необходимо работать с народом так, чтобы крестьянина, который работает в поле и живет в согласии с природой, делать прогрессивнее, а рабочего, «которого душит в цехах дым», напротив, склонять к консервативности. Но, главное, чтобы и рабочие, и крестьяне признавали при этом ведущую роль интеллигенции [3, s. 145]. М. Бюндич справедливо обращает внимание на то, что Радич вообще считал Февральскую революцию не буржуазным, а интеллектуальным феноменом [1, s. 123].

Все свои предложения по всеобщему избирательному праву Радич снабжает ссылками на российский опыт. Распространение права на женщин он дополнительно объясняет тем, что мужчины всегда будут готовы проголосовать за войну, в то время как матери никогда не захотят, чтобы их детей убивали. Председатель ХРКП подчеркивает, что на выборах не столь важна персона кандидата, сколько его партийная принадлежность, ведь именно так поступили в России и избрали достойнейших людей [7, s. 145—146].

С конца 1917 и до осени 1918 г. С. Радич был лишен права выступать в парламенте за антивенгерские и антигабсбургские выступления, а потому мог декларировать свои принципы только в прессе, обычно на страницах газеты «Dom» [7, s. 50]. Самой популярной темой в его аналитике была тогда Октябрьская революция, которая обнаружила различия между демократической крестьянской Украиной и большевистской рабочей Россией. В своей статье «Новая фаза русской революции» председатель ХНКП заявляет, что русский крестьянин является главным фактором русской революции, а потому всем славянам, в том числе и хорватам, настоящая русская свобода может быть даже лучшим примером для подражания, чем американская [8, s. 307].

Интересно, что во время революции 1905 г. Радич был на стороне царя, а апологетом революции стал лишь в 1909 г., после своего возвращения из России [9]. А в 1917 г. хорватский трибун в первую очередь безусловно поддерживал не только Февральскую, но и Октябрьскую революцию, а уж потом корректировал свои высказывания по мере развития событий. Среди российских царей разумными политиками Радич считал лишь Александра I и Александра III, а Николай II подвергался со стороны лидера ХНКП особенно жесткой критике. Например, то, что 100 миллионов русских мужиков предали русского царя, Радич объясняет тем, что и царь перед этим много раз предавал русского мужика [7, s. 158—159].

В начале 1918 года все работы С. Радича уже насыщены критикой большевистской политики В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого и поддержкой крестьянской демократии, которая, по его мнению, установилась в Украине. Хорватский политик, всего полгода назад прославлявший необходимость организации крестьян, пишет теперь о том, что крестьянам не нужна ни сильная власть, ни сильное государство. У них совсем другие интересы [2, s. 310—311].

Еще один тезис С. Радича заключается в том, что Россия, как великая славянская держава, оказывает значительное влияние на малые народы, в том числе и на хорватов. Уже в марте 1918 г. он высмотрел в российских событиях предпосылки для третьей — крестьянской — революции. И в гря-

дущих событиях русские крестьяне должны были стать примером для хорватских крестьян. Здесь Радич не удерживается и от традиционного для своей риторики антисемитизма, говоря о том, что третья революция разрушит и «еврейский социализм», который окружил и отравил Россию. Он отмечает, что большевистская политика была так же вредна, как и царская, так как она не только религию, но и нацию объявила личным делом каждого человека. Радич надеется, что Россия благодаря крестьянской революции вернется на правильный путь, которым уже идет Украина, и в будущем они вместе с Болгарией создадут союз крестьянских государств [5, s. 312—313].

В аналитическом ключе Радич выступал в парламенте летом 1918 г., когда уже можно было осмыслить все части революционного процесса в России. 9 июля на заседании Сабора лидер ХНКП называет Февральскую революцию образцовой, к тому же, салонной революцией, в которой учли опыт и французской, и английской революций. Но лидер ХНКП отмечает и ошибки, например, «господские» партии слишком много внимания обращали на количество подписчиков своих газет, не понимая, что партии нужно создавать апостольски (тут Радич совершенно четко определяет принцип, по которому партии создавались не только в Хорватии, но и у южных славян в целом) [7, s. 201—202]. 27 июля 1918 г. Радич решил наконец создать и Главный комитет ХНКП, который не собирался четыре года [4, s. 151]. Радикализация хорватского крестьянства, объединение партий в национальные комитеты и другие события вынудили хорватского трибуна хотя бы внешне оформить коллегиальность принятия решений внутри своей партии, хотя с самого начала она управлялась, исходя как раз из его «апостольских» принципов.

Как бы ни оценивал С. Радич революцию, в каждом его выступлении или статье этого периода лейтмотивом проходит использование российского опыта. Так, с лета 1918 г. этим же опытом он руководствуется при попытках обоснования тезиса о создании самостоятельного хорватского государства [3, s. 119]. Именно революционные события 1917 года в России и отклик на них в среде хорватских крестьян, солдат и рабочих стал одним из главных факторов, повлиявших на оформление концепции Радича о международном положении хорватского народа, борьбе за его права и основах общественных отношений после войны.

Библиографический список

1. Biondich M. Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the Politics of Mass Mobilization, 1904—1928. Toronto: University of Toronto Press Inc., 2000.
2. Boban B. Stjepan Radić u vrijeme Prvoga svjetskog rata. Zagreb: Alinea, 2006.
3. Cipek T. Ideja hrvatske države u političkoj misli Stjepana Radića. Zagreb: Alinea, 2001.
4. Gavrilović D. Stjepan Radić i Srbi (1871. —1918.). Split: Marjan tisak, 2002.
5. Matković H. Povijest Hrvatske seljačke stranke. Zagreb: Naklada Pavičić, 1999.
6. Ovdje citiramo prema: Boban, B. Stjepan Radić u vrijeme Prvoga svjetskog rata...
7. Radić S. Govori u Hrvatskom Saboru (1910. —1918.): u 3 knj. Knj. III. (1917—1918.). Zagreb: Narodne Novine: Dom&Svijet, 1996.
8. Radić, S. Politički spisi. Zagreb: Znanje, 1971.
9. Slovenski narod, št. 245. 25. oktobra 1905; št. 111. 17. maja 1909.